

СВАСТИКА ПРОТИВ ЗВЕЗДЫ

ОТКРОВЕНИЯ ГИТЛЕРОВЦЕВ

Карл КНОБЛАУХ

Я – десантник Люфтваффе

**Откровения офицера
парашютно-танкового
корпуса «Герман Геринг»**

«ЯУЗА-ПРЕСС»

МОСКВА

2013

УДК 355/359
ББК 63.3(0)62
К 53

Перевод с немецкого С.А. Липатова

Кноблаух К.
К 53 Я — десантник Люфтваффе : Откровения офицера парашютно-танкового корпуса «Герман Геринг» / Карл Кноблаух ; [пер. с нем. С. А. Липатова]. — М. : Яуза-пресс, 2013. — 192 с. : ил.
ISBN 978-5-9955-0593-8

О таких, как автор этой книги, немцы говорят «geboren mit der Glückshaube», а русские сказали бы: «Родился в рубашке». В первый раз он должен был погибнуть в 1943 году под Вязьмой, где его «юнкерс» был подбит советскими истребителями, а сам воздушный наблюдатель Кноблаух тяжело ранен в грудь и голову и потерял левый глаз. Признанный негодным к летной службе и переведенный в парашютно-танковую дивизию «Герман Геринг», он отличился в Восточной Пруссии, был награжден «Знаком Люфтваффе за участие в наземном бою», соответствовавшим «Штурмовому знаку пехоты», и чудом вырвался из «котла», где poleg весь его парашютно-десантный батальон (в конце войны немецких десантников применяли так же, как советские ВДВ в 1941–1942 гг., — в качестве элитной пехоты и «пожарной команды», бросая без тяжелого вооружения под гусеницы вражеских танков). В третий раз Кноблаух должен был сгинуть в обреченном Берлине, но из-за открывшейся раны его откомандировали из города всего за несколько часов до того, как советские войска замкнули кольцо окружения...

Эта книга – фронтовой дневник «парашютиста», которому вместо воздушно-десантных операций пришлось участвовать в безнадежных оборонительных боях, откровения выжившего об агонии Вермахта и Люфтваффе, о разгроме и падении Третьего Рейха.

УДК 355/359
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-9955-0593-8

© Липатов С.А., перевод, 2013
© ООО «Яуза-пресс», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

О военных действиях, политической подоплеке и человеческих взаимоотношениях написано много: былей и небылиц, конкретного, и не конкретного, и много бессмысленного. Необходимо всегда относиться с достаточной долей скептицизма к тем работам, литературное отображение исторических событий в которых обусловлено коммерческим интересом.

Мои воспоминания по-настоящему достойны того, чтобы изобразить их в драматической форме. Но представить их в виде «драмы» у меня не было никакого желания.

При изложении событий я исходил из необходимости фиксирования действительности, а не модифицированных конструкций их хода. И, во всяком случае, не руководствовался лозунгом: «Посмотрите на меня, я был не таким, как масса. Я наблюдал за происходящим и был в стороне от него!»

Карл Кноблаух – рядовой
195-го самокатного батальона

Прусский элемент моего воспитания объясняет некоторые действия, которые сегодня могут быть непонятными. То же относится и к поведению бывших со мной рядом товарищей, воспитанных, как и я, на постулате прусской аристократии «больше быть, чем казаться, много делать, меньше говорить!».

Мои записи представляют собой правду без каких-либо приписок. Псевдонимов тоже нет. Чтобы не фальсифицировать связь между «событиями» и «отношением», информация, которую я получил только после войны, намеренно в моих записях не приводится.

Если у читателя сложится впечатление, что я некоторые события не раскрыл или описал недостаточно полно, то это произошло потому, что эти темы не были частью окружавшей меня действительности.

С благодарностью я вспоминаю товарищей, чьи пути пересекались со мной в высотах и падениях человеческого существования, и тех, что прошли часть моего жизненного пути вместе со мной.

Я не прошу признательности за мои действия, я прошу только готовности непредвзято подумать о содержании моих записок.

ПРЕДЫСТОРИЯ

В 1940 году я участвовал в кампании во Франции. Воевал в составе передового отряда 95-й пехотной дивизии.

С октября 1941 года по сентябрь 1943 года — наблюдатель оперативной воздушной разведки сухопутных войск. 4-я эскадрилья дальней разведки.

3 сентября 1943 года получил ранение в воздушном бою с советскими истребителями над Вязьмой (СССР). (165-й боевой вылет.)

Карл Кноблаух
на месте наблюдателя в «Ю-88»

ИЗ МОИХ ЛИЧНЫХ ЗАПИСЕЙ

Август 1944 года

Запасной лазарет Бад-Пирмонт. Вскоре предстоит выписка. Месяцы долгого выздоравливания позади. Вечером 24 августа я прибыл в Кведлинбург на сборный пункт фронтовых летчиков. Мне дали комнату. Отдельно расположиться не удалось, но я исходил из того, что мое пребывание здесь будет недолгим.

Сборный пункт представлял собой кадровый орган. Здесь собирали летный состав после лечения в госпиталях и после полного выздоровления снова распределяли по летным частям.

Вечером я сидел в своей каморке. Это ничегонеделание подавляло меня. Я заметил, что лишь немногих годных по здоровью летчиков, наблюдателей, радистов и бортовых стрелков снова отправляли на фронт в летные части. Из лазаретов прибывало много летного состава. Сборный пункт уже вскоре начал трещать по швам. Здесь, по-видимому, что-то было не так. Я решил при ближайшей возможности поговорить с командиром о моей дальнейшей службе.

7 сентября

Утром я попросил адъютанта назначить мне время для беседы с командиром. В 15 часов я стоял перед высоким господином:

После первого боевого вылета успокоительная сигарета нужна и Карлу Knobлауху. Слева направо: лейтенант Райнарди, унтер-офицер Фелициан и фельдфебель Ротгери

— Лейтенант Knobлаух прибыл по вашему приказанию!

— Садитесь! Вы просили о беседе? О чем пойдет речь?

— Господин майор, после почти годового пребывания в госпитале мое здоровье находится теперь в том состоянии, которое позволяет мне снова приступить к службе в соответствии с моей подготовкой. Если господин майор...

Дальше сказать я ничего не успел. Начальник сборного пункта встал и прервал меня движением руки:

— Из вашего личного дела я знаю, что вы больше непригодны к летной службе. Чего вы хотите?

Командир был раздражен. Он встал у окна и требовательно взглянул на меня. Исходя из правил хорошего тона, я привстал:

— Господин майор, я не исхожу из того, что с моим ранением завершилась моя военная карьера. Я думаю, что для меня найдется применение и вне летных частей...

Командир снова меня прервал еще более раздраженно:

— Если вы думаете, что вообще еще можете что-нибудь делать, то можете отправляться в танковую дивизию «Герман Геринг». Я напишу представление!

Он думал, что размазал меня по стенке. Теперь уже разозлился я:

— Если у господина майора больше никаких предложений нет, я могу пойти и в танковую дивизию «Герман Геринг»!

Мой собеседник прищурил глаза:

— Как хотите. Идите к адъютанту, он все устроит!

Адъютант, очень приветливый человек, сразу же начал работу. Я подписал формуляр и принял к сведению, что вскоре буду переведен.

По дороге в свое жилище я задал себе вопрос: верно ли мое решение? В этом я был не уверен. У меня возник еще один вопрос: почему командир не хотел давать мне назначения? Если он так поступал и с другими, то могло ли это быть заявлением большого количества пребывающих и скучающих здесь военно-служащих летного состава. Могли быть, естественно, и другие причины.

18 сентября

Я покинул прекрасный Кведлинбург и неприветливый сборный пункт фронтовых летчиков. Мой перевод оформлен. Я сижу в скором поезде на Берлин. Во второй половине дня я приехал в Райникендорф, что на

северо-западе Берлина. Доложил о прибытии в казарме «Герман Геринг», которая, несмотря на войну, все еще производит впечатление ухоженной.

В адъютантской я узнал, что самое позднее через четырнадцать дней можно рассчитывать на мой перевод во фронтовые части. Дивизия воюет на востоке.

Борьба с силами вторжения союзников принимает все более жесткие формы. Главное командование вермахта 25 сентября известило: «В Западной Голландии наши войска на новых позициях отразили многочисленные атаки противника. В районе Арнхайм¹ — Нимвеген высадившийся с воздуха десант противника понес большие потери, так и не успев перейти в наступление. Мелкие атаки противника были отражены в ожесточенных ближних боях. В результате них остатки 1-й английской воздушно-десантной дивизии, ведущие бои на узкой полоске территории, понесли потери 800 человек ранеными...» Кто внимательно читает хорошо составленный текст новостей, мог понять, что нашим действительным успехам в обороне противостоят большие потери в территории.

Прежде чем отправиться на Восточный фронт, я навесил своих родственников в Шпандау. Уже

Лейтенант Knoblauch
в госпитале Пирмонт

¹ Немецкое название Арнима. — *Прим. пер.*

в дверях я понял, что настроение у них подавленное. Тетя Марта рассказала мне, что мой двоюродный брат Вольфганг (лейтенант люфтваффе) в течение некоторого времени считается без вести пропавшим в Южной Франции.

До наступления темноты я был уже в Райникендорфе.

27 сентября

Имперское радио сообщило: «26 сентября в районе Арнхайма окончательно было сломлено сопротивление окруженной 1-й английской воздушно-десантной дивизии. В десятидневных боях быстро сосредоточившимся силам всех родов вермахта под командованием командира танкового корпуса СС обергруппенфюрера СС и генерала войск СС Биттриха удалось полностью уничтожить элитную английскую дивизию, несмотря на ее ожесточенное сопротивление и подкрепления, получаемые ею с воздуха. Все попытки противника деблокировать окруженную дивизию с юга были отражены с большими потерями. Всего было захвачено 6450 пленных, насчитаны тысячи убитых, в число трофеев входят 30 противотанковых пушек, другие орудия, 250 автомобилей. Уничтожено и захвачено 1000 грузовых планеров и подбито более 100 самолетов...»

«Мы побеждаем даже мертвыми!» — вспомнил я слова моего отца.

30 сентября

Пора! Я упаковал свои скромные пожитки. В поездку я отправляюсь только с полевой сумкой и туалетными принадлежностями.

Станция Цоо. Я стою на платформе и жду поезд с отпускниками на Варшаву. До отправления еще пять минут.

1 октября

Поезд остановился на перегоне между Познанью и Кутно. Едем вперед очень медленно. Нам навстречу в сторону Берлина идут поезда с ранеными.

УЧАСТИЕ В БОЯХ В СОСТАВЕ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫХ ВОЙСК

В полдень мы подъехали к Варшаве и нам приказали освободить вагоны. Ветер донесил грохот канонады близкого фронта. Воздух вибрировал. На грузовике я отправился дальше на север. И в районе Моды нашел штаб танковой дивизии «Герман Геринг». Боевые части дивизии вели бои в составе 4-го танкового корпуса СС. Комендант штаба сказал мне, где я могу разместиться.

2 октября

Доложил о своем прибытии дивизионному адъютанту, который заявил мне и другим вновь прибывшим офицерам, что нас, прибывших на фронт из разных частей ВВС, придется снова «учить действовать и жить в пехоте».

Мне тоже такое решение показалось правильным. Среди запасных офицеров я увидел связистов ВВС, зенитчиков и даже кого-то из летного состава. Вскоре нас отправили в Рюпин в Восточную Пруссию. Рюпин находится на песчаных пустошах между Торном и Зольдау. Ландшафт очень похож на Альтмарк. Вечером нас приняла рюпинская запасная учебная часть. Начальник нашего курса — сильно хромящий капитан — поздоровался с нами и дал понять, что этот

учебный курс нам необходим. У меня было впечатление, что большинство из присутствующих здесь «новоиспеченных пехотинцев» добровольно пошли на новую службу.

Я посмотрел учебный план и понял, что для меня ничего нового в нем нет.

Мы получили саржевые костюмы для боевой подготовки и карабины. Китель со знаками различия остался в шкафу. Я снова чувствовал себя рекрутом в старом добром Франкенштайне.

4 октября

Учебный процесс идет полным ходом. Времени, конечно, терять нельзя. «Иван» стоит у самой границы рейха.

В программе читаю: «Боевая стрельба. Беглая стрельба. Стрельба с колена. Метание ручной гранаты». Подготовка приближена к боевой, меры безопасности — минимальные.

5 октября

Стрельбы из пулемета. Во второй половине дня — «атака из положения непосредственного соприкосновения с противником». Вечером усталые засыпаем в наших бараках.

6 октября

Атака на противника, находящегося в системе окопов и вклинение в его боевые порядки. Попеременно исполняем обязанности командира отделения.

После вечерней чистки оружия меня вызвал начальник курса:

— Лейтенант Кноблаух, утром я наблюдал на занятиях за вашими действиями. Вы всегда служили в люфтваффе?